

Даша Литовская

ДРУГ ОТЦА

УДК 7.04
ББК 85
Л64

Л64 **Литовская Д.**
Друг отца / Даша Литовская – М.: Литнет, 2025. – 244 с.

ISBN 978-5-521-94669-3

Ей 18, ему 38. Она чиста и невинна, и верит в «большую и светлую». А он миллиардер с безграничной властью, ледяным сердцем и черной душой. Он для неё — Целый Мир... А она для него — всего лишь дочка лучшего друга...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94669-3

© Литнет, 2025
© Д. Литовская, 2025

Глава 1

Софи

– Расслабься. Ты сегодня огонь, малая, – произносит мне на ухо старший брат, и я вздрагиваю от неожиданности.

Поджимаю губы и с чувством глубочайшего удовлетворения впечатываю шпильку в носок его лакированного ботинка.

– Еще раз меня так напугаешь... – шиплю я.

Пашка морщится и громко смеется, не обращая внимания на гостей. Он балагур и повеса, и в абсолютно любой компании свой в доску. В отличие от меня. На этом празднике жизни я чувствую себя как рыба, но отнюдь не в воде.

– Папе не понравится это платье. – Я старательно одергиваю облепляющую бедра серебристую ткань. – Оно вызывающее.

Пашка закатывает глаза.

– Сегодня твой день. Отец тебе слова не скажет. – И, ехидно прищурившись, добавляет: – Как, впрочем, и всегда.

Я не в силах сдержать злорадную улыбку и едва удерживаюсь от того, чтобы показать брату язык. Так уж повелось, что мы с ним постоянно соперничаем. Конечно, с возрастом это проявляется уже не так остро, но верхнюю ступеньку пьедестала родительской любви вот уже восемнадцать лет занимаю я. Любимица. Умница-дочка. Примерная студентка и гордость семьи.

– На лучшее, выпей. – Брат сует мне в руку узкий бокал с шампанским. – Расслабишься.

Я по привычке оглядываюсь по сторонам.

До сегодняшнего дня употребление алкоголя мне было официальное запрещено. Но, конечно же, Пашка всегда утаскивал с праздников пару бутылок пино-нуар, а потом мы распивали его в комнате брата прямо из пластиковых стаканчиков.

– Что же вы так богохульствуете, – нарочито серьезно произнесла мать, застав нас однажды за этим занятием. – Пить такой напиток из пластиковых стаканов – настоящее преступление.

Мы с облегчением выдохнули, и с тех пор от мамы особенно не скрывались. А вот от отца...

– Ты теперь имеешь на это законные основания, – подначивает Пашка и даже помогает поднести руку с бокалом ближе ко рту.

Заметив в его глазах вызов, я недовольно цокаю языком. Мне не слабо. А потому с чувством собственного превосходства осушаю бокал до самого дна.

Слегка горьковатый привкус оседает на языке, а пузырьки напитка приятно щекочут. Спустя две секунды по телу разливается тепло.

– Ты бы хоть закусывала, алкоголичка, – фыркает Пашка, явно не пораженный моей самоотверженностью. – Софья-Софья, что скажет отец, когда увидит, как ты прибухиваешь у него прямо перед носом? – Брат с укоризной качает головой. – Вон он, кстати, идет.

Я тут же мысленно подбираюсь и группируюсь, как перед прыжком в холодную воду, а уже через мгновение из толпы гостей появляется отец. При виде бокала в моей руке, он моментально оценивает ситуацию.

– Не налегай, – только и произносит, не желая заострять на этом внимание.

Смотрит поверх моего плеча и кому-то вежливо улыбается, а я не упускаю в это время возможность метнуть в брата испепеляющий взгляд. Съел?

– Хорошо выглядишь, – одобрительно кивает отец, вернув внимание ко мне. На миг в его глазах мелькает проблеск сентиментальности. – Совсем взрослая у меня стала, хоть завтра замуж выдавай. А еще вчера с косичками и розовыми бантами бегала... – печально протягивает он.

– Я расту, – со смехом пожимаю я плечами. – Остановить время даже тебе не под силу, па.

Я люблю папу, хоть порой он и бывает излишне строг и предвзят. Но даже эту предвзятость я способна понять.

Отец – крупный бизнесмен, владеющий сетью элитных отелей. Он известен в широких кругах и по крупицам выстраивал свою репутацию. Было бы странно, если бы детям в его семье будет позволено все то, что позволено детям обычных людей.

Так что пока в нас с братом зрел юношеский протест, а в головах раз за разом рождались сумасбродные планы, не влезающие ни в одни рамки приличий, отец терпеливо нам объяснял, что каждый поступок имеет последствия. Надо отдать ему должное, даже когда мы с Пашкой решили угнать любимый папин мерседес и разбили его, не проехав и пары метров, он не стал кричать или физически наказывать нас. Нам всего лишь пришлось целое лето работать по дому вместо прислуги, чтобы компенсировать ремонт дорогого авто. С тех пор мы ценим материальные ценности гораздо больше.

– Кстати, я сдала последний экзамен, – с гордостью сообщая я, выхватывая у официанта второй бокал игристого. – На отлично.

Пашка снова закатывает глаза и одними губами произносит что-то похожее на «зубрила».

– Я всегда знал, что ты у меня умница, – хвалит отец, и я загибаю один палец. Вижу, что брат это замечает. – Светлая голова, – продолжает отец, и я загибаю второй. – Никогда не даешь мне повода разочароваться. – И третий.

– О, кстати, отец, – делает свой ход Пашка, – совсем забыл тебе сказать, немцы вчера подписали-таки с нами договор. Я их дожал.

Брат старше меня всего на три года, но уже занимает в империи отца не последнюю должность. Я бы не сказала, что он особо старается. Ведь и так прекрасно осведомлен, что бизнес однажды по праву перейдет к нему.

– М-да, – задумчиво тянет отец, что-то печатая в телефоне, – но я давал тебе на это срок не больше двух месяцев, а ты «дожал» их за пять. За это время я бы уже два раза нашел других поставщиков.

Я беззвучно смеюсь, пока папа не видит, и демонстративно показываю Пашке руку, где нет ни одного загнутого пальца. Делаю жалостливое лицо. Пашка фыркает и отворачивается.

– Кстати, ты не видела мать? – Папа хмурится, оглядывая толпу.

– Нет, – вру я, ничуть не краснея. – Наверное, общается с кем-то из гостей. – Я недовольно передергиваю плечом, подцепляя новый бокал.

На самом деле я прекрасно осведомлена, что мама уже час торчит возле барной стойки, осушая десятый по счету martini, и отчаянно флиртует с красавчиком-барменом. Только вот отцу об этом знать не обязательно.

Пашка с отцом рассеиваются в толпе, а я, на правах хозяйки вечера, вежливо интересуюсь у гостей, все ли им нравится.

Сегодняшнее торжество папа организовал в честь моего совершеннолетия. И пусть подобные вечеринки в особняке бизнесмена Павлова вовсе не редкость, но он не воспринимает их как развлечение. Скорее, как способ собрать нужных людей в одно время и в одном месте. Сегодня он бессовестно использовал мое восемнадцатилетие, чтобы напомнить о нашей семье светскому обществу.

– Ох, милая, – слегка опьяненно вздыхает мать, когда я подхожу к барной стойке, – ты у меня такая красивая!

Она переводит взгляд на бармена, хищно ему улыбается и с гордостью сообщает:

– Мои гены.

– Мам, – смеюсь я неловко.

– А что, уже и похвастаться нельзя? Это сейчас, в тридцать два, мне уже не дано выглядеть так молодо и свежо.

– В сорок пять, – поправляю я, посылая бармену красноречивый взгляд.

– В разведку с тобой не пойдешь, – сетует мать. – Запомни, милая, ты уже никогда не будешь так молода и прекрасна, как сейчас. – Она с печалью в глазах допивает martini. – Рано или поздно годы возьмут свое.

– Если я в сорок пять я буду выглядеть как ты, то мне ничего не страшно, – беззаботно шучу я. – Кстати, тебя искал папа.

– Боги... Похоже, я опять должна весь вечер держать его под руку и улыбаться всем этим скучным людям, пока не сведет скулы.

– Такова уж твоя участь, – отрывисто произношу я, все же заставляя маму подняться с барного стула и отправиться к папе.

А сама думаю, что я нисколько не солгала. Выглядеть, как моя мать, мечтает любая женщина ее возраста. Несмотря на годы, она все еще стройна, подтянута и полна жизни. Лишь в последнее время сдает, все чаще о чем-то одиноко печалюсь.

Мама – добрая женщина, но душе свободной художницы всегда было тесно в особняке в девятьсот с лишним квадратов. Даже стандартные развлечения светской львицы, такие как собственный салон красоты, бутик элитной одежды и галерея, не сумели избавить ее от извечной тоски во взгляде. Может, просто натура такая? Не знаю. Мама любит страдать.

К счастью, в этом я пошла не в нее.

Я пью пятый по счету бокал, когда понимаю, что мозг начинает затягивать туманом. Все воспринимается слишком радостным и веселым. Чувства обострены до предела. Мне хочется улыбаться каждому встречному и вдохнуть в их унылые лица хоть частичку тепла.

Я порхаю по гостиной от одной стайки гостей к другой, пока ноги внезапно не прирастают к красному ковру на полу.

Я замечаю его неосознанно, буквально краем глаза. Но даже в таком состоянии мозг в момент фокусируется на этом мужчине. И хоть вижу его пока со спины, я не сомневаюсь, что не ошиблась. Больше ни один мужчина в галактике не обладает такой сногшибательной энергетикой и не способен приковывать к себе женское внимание. Уверена, в этой гостиной я не единственная, кто сейчас с интересом рассматривает его.

Закусываю губу, чувствуя первые зачатки волнения.

Его зовут Данис.

Асадов Данис Ренатович.

Тридцативосьмилетний миллиардер после семи лет жизни за границей вернулся на родину.

Я маниакально слежу за его жизнью с помощью соцсетей. Знаю, что он любит путешествовать (в основном это теплые страны и острова) и женщин (преимущественно это модели с мировым именем). Фото последних мелькают в его ленте не реже белоснежных песчаных пляжей, но меняются с такой же скоростью, что и страны.

Он и сейчас в компании трех светских львиц с сияющими улыбками. Они наперебой что-то щебечут, мечтая заполучить хотя бы крупницу его внимания.

Данис высок. Даже очень. В жизни его телосложение ощущается гораздо мощнее, чем на фотках в смартфоне. Не перекачен, но явно не игнорирует спорт. Сейчас он стоит в расслабленной позе: крепкие ноги уверенно расставлены, одна рука небрежно опущена в карман брюк, а другая сжимает пузатый стакан с виски. Угольно-черный костюм сидит на нем как влитой, а белоснежная рубашка выгодно подчеркивает золотистый загар.

И пусть я вижу его лишь со спины, но лицо помню до мельчайших деталей. Его пронзительные изумрудные глаза всегда действуют на меня гипнотически, даже с экрана телефона. Прямой нос, волевой подбородок, не пухлые, но очень красивые губы, и ухоженная щетина.

С моих губ срывается рваный вдох, когда Данис, словно почувствовав что-то, оборачивается и находит взглядом меня.

Бог мой... фотки даже частично не передают весь масштаб его мужской красоты!

Чувствую, как слабеют мои конечности. Я старательно выдавливаю улыбку, хотя мышцы лица сейчас сведет судорога от нервов.

Лишь ради этого мужчины я всю неделю тщательно подбирала платье для сегодняшнего мероприятия. И надела его вопреки воз-

можному неодобрению от отца. Лишь ради Даниса я сегодня четыре часа провела в салоне красоты своей матери. И только из-за него я так нервничала и переживала весь вечер.

«Данис. Данис. Данис», – стучит в голове.

Он здесь. Прямо передо мной.

Самый соблазнительный в мире мужчина сейчас находится всего в паре метров.

Наверное, мою реакцию можно считать странной. Но вы не знаете самого главного.

Данис Асадов – моя первая и единственная любовь.

И лучший друг папы.

Я влюбилась в этого парня, когда мне было пять. Воспылала самым чистым и искренним чувством, получив в подарок от него заморскую плюшевую лошадку, о которой долго мечтала. Здесь такой не имелось ни у кого.

А дальше я каждый раз с нетерпением ждала, когда Данис вновь зайдет к нам в гости, чтобы похвастаться очередным достижением. Например, тем, что мои рисунки оказались лучшими и победили на конкурсе. Или угостить пирогом, который научилась печь почти что самостоятельно.

Данис всегда внимательно слушал. Восхищался детской мазней и не подавал вида, что пирог пересолен.

Я обожала его. Однажды даже пообещала выйти за него замуж, как подрасту. Все тогда весело рассмеялись, а я не понимала, почему никто не воспринимает мои слова всерьез.

С тех пор в отношении моих чувств мало что изменилось. Данис для меня был и остается самым привлекательным в мире мужчиной.

И самым запретным.

По прошествии лет я, конечно же, понимаю, что не должна смотреть на него так, как делаю это сейчас. Данис – последний, к кому мне стоит испытывать нечто подобное. Ведь их крепкая дружба с отцом навсегда наложила табу на мои детские чувства.

Только разве это имеет значение, когда сердце в груди колотится так, словно вот-вот пробьет грудную клетку?

Силясь собрать мысли воедино, я делаю маленький шаг в его направлении. Хочу просто поздороваться.

Интересно, он меня узнает?

В последний раз мы виделись, когда мне было одиннадцать, а ему тридцать один. Он-то с тех пор практически не изменился, а вот я...

Данис не отводит от меня глаз, пока я движусь навстречу. Наши взгляды будто прилипли друг к другу. Я смущенно ему улыбаюсь.

Уже почти подойдя, я слышу, как меня окликают кто-то из гостей и по инерции оборачиваюсь. Не заметив складку на ковровой дорожке, спотыкаюсь. Едва успеваю отбросить бокал в сторону и лечу прямо на Даниса.

«Ужас! Полный провал! Это самое худшее, что могло случиться!» – пульсирует в голове, пока я внутренне обмираю от стыда.